и влияние на русскую литературу, после П. В. Владимирова к «Великому Зерцалу» никто не обращался. Исследователей отпугивало религиозно-мистическое содержание многих рассказов, вошедших в сборник. Но при внимательном чтении легко заметить, что густой налет религиозного мистицизма не помешал составителям «Зерцала» отразить в рассказах широкую картину реальной жизни со всеми ее противоречиями. В новеллах «Зерцала» перед нами проходят представители всех классов и всех слоев средневекового общества — от королей и князей церкви до простых горожан и крестьян, раскрываются их взаимоотношения, их быт и нравы. Все это представляет огромный интерес для исследователя, так же как и художественное своеобразие новелл.

Но значение сборника этим не ограничивается. Исследователи указывают, что «отдельные повести, а равно и полные списки „Великого Зерцала", получили широкое распространение среди русских книжников и различными путями (синодики и лубочные картинки) проникли в народную среду, где и отразились в целом ряде различных легенд, повестей, духовных стихов и проч.».[5] «Исследователям истории малорусских народных преданий, рассказов и легенд придется обратиться к изучению вышедших во второй половине XVII века сборников чудес, и, быть может, изучение этих сухих и бесцветных памятников украинской старины бросит свет на историю украинских народных легенд, определит, какие из этих легенд возникли в самой Украине и какие забрели из чужбины и акклиматизировались в Малороссии».[6]

Эти замечания, высказанные украинскими исследователями, вполне справедливы не только для изучения украинского народного творчества и украинской литературы, но и для изучения русской литературы и русского народного творчества. Думается, что эпитеты «сухие» и «бесцветные», которыми Сумцов характеризует новеллы нравоучительных сборников, несправедливы и противоречат высказанному им мнению о влиянии этих новелл на народное творчество. Этого влияния не могло бы быть, если бы эти новеллы были сухими и бесцветными.

Изучая литературную историю «Зерцала», необходимо обратиться к польскому тексту памятника. Польша явилась здесь, как и в ряде других случаев, передатчиком, познакомившим нас с этим интересным сборником. В основу его лег составленный иезуитами и широко распространенный в Европе латинский сборник «Speculum Magnum». Этот сборник попал в Польшу в начале XVII в. Здесь он был переведен на польский язык — и не один, а несколько раз — и дополнен рассказами, взятыми из разных источников: хроник, истории Длугоша, сочинений Петра Скарги и др. Известны три польских издания книги: 1621, 1633 и 1690—1691 гг. Экземпляры всех этих трех изданий были завезены на Русь и хранились в библиотеках Киева и Москвы.[7] В настоящее время в Киеве, в Государственной публичной библиотеке Академии наук УССР, имеется четыре экземпляра «Великого Зерцала» на польском языке (два издания 1633 г., один недатированный и один 1690—1691 гг.). В Москве, в ЦГАДА, со-

---

[5] С. Шевченко. К истории Великого Зерцала в Юго-Западной Руси. — Филологический вестник, т. LXII, № 3—4. Варшава, 1909, стр. 111.

[6] Н. Ф. Сумцов. Иоанникий Голятовский (К истории южно-русской литературы XVII в.). — Киевская старина, Киев, 1884, кн. 3, стр. 374—375.

[7] В библиотеке Киево-Печерской лавры имелся экземпляр издания 1633 г. (Каталог, вып. 1, стр. 319, № 4262-XV 3/17). Кроме того известны следующие экземпляры польских изданий из Библиотеки киевского Софийского собора, № 547 (изд. 1633 г.), № 548 (год издания неизвестен), № 549 (2 тома, изд. 1690 г.), из Синодальной типографии (два идентичных экземпляра под одним номером — 4115/3864а и б, изд. 1633 г.).